
Основы вѣроисповѣднаго законодательства въ Россіи

и

Законъ о перемѣнѣ религіи. ¹⁾

I.

Положеніе и значеніе въ Россіи вопроса объ отношеніи Церкви и государства. Необходимость уясненія понятія о Церкви. Самостоятельность церковнаго общенія и его вліяніе на правосознаніе. Свобода вступленія и пребыванія. Свидѣтельства объ этомъ древнихъ соборовъ и отдѣльныхъ представителей христіанства. Отношеніе Церкви къ отвергающимъ ее. Идея церковнаго суда и ея значеніе. Вопросъ о допущеніи къ таинствамъ людей, не принадлежащихъ къ Церкви.

Всѣ законопроекты, внесенные Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ въ высшія законодательныя учрежденія и получившіе названіе вѣроисповѣдныхъ, глубоко затрагиваютъ болѣе общій вопросъ объ отношеніи Церкви и государства въ Россіи. Та или другая склонность въ рѣшеніи этого вопроса сейчасъ же оказываетъ соотвѣтствующее вліяніе на все направленіе вѣроисповѣднаго законопроекта. Уже одна необходимость считаться съ этими законопроектами ставитъ на очередь и основной для нихъ вопросъ объ отношеніи церкви и государства въ Россіи. Теперь онъ уже ясно выдвинулся передъ нами во всей его сложности и трудности.

Нужно очень игнорировать потребности окружающей дѣй-

¹⁾ Примѣчаніе. Печатаемое составило предметъ нашихъ докладовъ съ разными сокращеніями: 6 Ноября 1911 г. на политическомъ раутѣ у Члена Государственной думы графа А. А. Бобринскаго въ Петербургѣ, 10 Ноября въ Петербургскомъ Клубѣ Общественныхъ Дѣятелей, 28 Ноября въ общемъ собраніи Московскаго Юридическаго Общества, 13 Декабря въ Религіозно-философскомъ обществѣ въ Петербургѣ и 14 Декабря 1911 г. въ Петербургскомъ Юридическомъ Собраніи.

ствительности, чтобы не видѣть возможности великой бѣды отъ дальнѣйшаго откладыванія рѣшенія этого вопроса и преобладанія столь обычной у русскихъ людей склонности отдаваться пассивному переживанію жизни.

Если вѣроисповѣдные законопроекты окажутся построенными на случайномъ и одностороннемъ рѣшеніи вопроса объ отношеніи церкви и государства, то сколько могутъ они создать новыхъ положеній и порядковъ, еще болѣе запутывающихъ этотъ вопросъ, препятствующихъ установленію правильныхъ отношеній церкви и государства и угрожающихъ немалымъ вредомъ для религіозно-нравственной жизни народа.

Ни въ какой другой странѣ вопросъ объ отношеніи церкви и государства не имѣетъ столь важнаго значенія, какъ въ Россіи. Вся прошлая историческая жизнь Россіи тѣсно связана съ Православной Церковью. Только подъ вліяніемъ ослѣплого невѣжества или подъ вліяніемъ всегда ограничивающей и застилающей умственный горизонтъ крайней вражды къ Православной Церкви можно отрицать исключительное историческое значеніе православія для русскаго государства.

Православная Церковь сдѣлалась въ Россіи великой духовной нравственной и цивилизующей силой почти при самомъ зарожденіи въ ней государственности и особенно способствовала ея развитію и укрѣпленію. Ни у одного народа фактъ принятія черезъ Православную Церковь христіанства не является такимъ центральнымъ и основнымъ, какъ у народа русскаго. Съ принятіемъ христіанства, можно сказать, начинается и самая наша исторія. По замѣчанію одного изъ изслѣдователей этого вопроса, Русь опознала себя лишь когда въ ней возсіялъ Крестъ Господень и на Руси все тѣсно связано съ христіанствомъ. Русское государство, можно сказать, было вскормлено Православной Церковью, которая духовно питала его на протяжении цѣлыхъ вѣковъ. Отъ Православной Церкви Россія получила твердую опору для духовно-нравственной жизни народа. Благодаря близкому участию Православной Церкви въ ея судьбахъ Россія могла объединиться въ огромное и могущественное государство, способное имѣть мировое вліяніе.

Впослѣдствіи въ Православной Церкви она находила ве-

ликую поддержку въ години испытаній, въ самые тяжелые периоды исторіи, когда возникалъ даже вопросъ о самомъ существованіи русскаго государства ¹⁾. Историческій опытъ жизни ясно показалъ, что православіе, какъ хорошо выразился И. С. Аксаковъ, представляетъ изъ себя „главную духовно-органическую силу русской народности“, подъ воздействием которой сложилась и самая русская народность. И. С. Аксаковъ былъ вполне убѣжденъ, что русская народность немислима вне православія и что напрасны попытки выдѣлить изъ идеи этой народности идею православія. Это значило бы въ его глазахъ выкачать разными насосами изъ русской народности самый воздухъ и создать изъ этого уже обездушеннаго матеріала какую-то новую политическую народность ²⁾. Поэтому сознаніе, что русское государство прежде всего есть православное, до сихъ поръ естественно жило въ умахъ не только русскаго народа, но и иностранцевъ. Понятія православнаго и русскаго почти не раздѣлялись, потому что они тѣсно срослись подъ вліяніемъ всей нашей исторіи. Замѣчательно, что всѣ другіе христіанскія исповѣданія, свободное существованіе которыхъ допускалось въ Россіи по мѣрѣ присоединенія къ ней новыхъ подданныхъ, назывались не иначе, какъ иностранными. Въ этомъ, можетъ быть даже безсознательно обнаружилась привычка мыслить русскаго непременно какъ православнаго. Сказать, что римскій католикъ или протестантъ есть русскій, это въ прежнія времена для многихъ звучало почти такъ же, какъ деревянное желѣзо ³⁾.

Русское государство въ лицѣ своихъ высшихъ представителей и въ глубинѣ народныхъ массъ было твердо убѣждено въ религіозной истинѣ православія. Оно ясно понимало, что Православная Церковь несетъ міру не измѣненное челоуѣческой ограниченностью и страстями христіанское ученіе и

1) Срв. Рѣчь профес. В. О. Ключевскаго. Значеніе пр. Сергія Радонежскаго для русскаго народа и государства. Богословскій Вѣстникъ. 1892 г. № 11.

2) Сочиненія И. С. Аксакова томъ IV. Общественные вопросы. Спб. 1903 г. стр. 40—41.

3) Н. Д. Кузнецовъ. По вопросамъ церковныхъ преобразованій. Докладъ I Отдѣлу Предсоборнаго Присутствія 31 мая 1906 г. по вопросу объ отношеніяхъ церкви и государства въ Россіи. Москва 1907 г. отд. III.

свойственную христіанству высшую жизнь и что принадлежность къ православію предоставляетъ человѣку полную возможность начать поддерживать нравственно - духовную связь съ самимъ Источникомъ христіанства. Оно ясно видѣло, что въ Православной Церкви хранится та драгоценная жемчужина, о которой сказано въ Евангеліи и для приобрѣтенія которой увидѣвшій ее готовъ бываетъ все продать.

Соотвѣтственно этому русской верховной власти всегда было присуще сознание, выраженное, наприм. въ Указѣ Сенату 20 декабря 1815 года по поводу направленной къ отторженію отъ православія дѣятельности іезуитовъ и удаленіи ихъ изъ Петербурга. Православная греческая вѣра называется здѣсь твердымъ непоколебимымъ камнемъ благоденствія народа русскаго ⁴⁾.

При такихъ условіяхъ, какой скорбью и опасеніемъ должны наполняться сердца многихъ людей по причинѣ того, что важнѣйшій въ Россіи вопросъ объ отношеніи церкви и государства начинаетъ рѣшаться не прямо, при всестороннемъ его освѣщеніи, а косвенно по поводу вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ, да еще разсматриваемыхъ отдѣльно, и притомъ одними государственными учрежденіями, какъ видно мало способными разбираться въ немъ, безъ выслушанія голоса самой Православной Церкви въ лицѣ ея самостоятельнаго органа собора. Заключенія одного св. Синода здѣсь не достаточно. По своему учрежденію и составу св. Синодъ предназначенъ болѣе къ разсмотрѣнію обычныхъ текущихъ дѣлъ церковнаго управленія и едва-ли приспособленъ къ авторитетному разрѣшенію какихъ-либо основныхъ вопросовъ глубоко затрагивающихъ положеніе всей Церкви.

Въ дополненіе къ этимъ печальнымъ чертамъ современнаго положенія вопроса объ отношеніи церкви и государства въ Россіи слѣдуетъ отмѣтить, что онъ оказывается мало разработаннымъ въ наукахъ государственнаго и церковнаго права со стороны установленія возможно нормальныхъ церковно-государственныхъ отношеній. Причины этого нужно искать, повидимому, въ томъ, что представители науки государственнаго права въ Россіи вообще были мало расположены зани-

⁴⁾ 1-е полное собраніе законовъ. т. XXXIII, № 26036.

маться вопросами о Церкви и входить въ ея интересы. Представители же науки церковнаго права, сравнительно еще молодой у насъ, склонны были сосредоточивать свое вниманіе больше въ области исторіи и на изученіи разныхъ древнихъ памятниковъ. Въ этомъ немалая роль принадлежала, повидимому, и цензурному гнету, преслѣдовавшему всякія мысли, отрицающія справедливость существующаго порядка вещей и не нравящіяся высшему начальству. Вспомнимъ, что даже такія произведенія, какъ второй томъ сочиненій А. С. Хомякова, посвященный вопросу о Церкви и значительно проясняющій религиозное сознаніе русскаго человѣка, не могъ быть напечатанъ въ Россіи и сначала издавался за границей. При такихъ условіяхъ не удивительно, если у представителей науки церковнаго права въ Россіи пропадала всякая охота къ ученымъ изслѣдованіямъ, затрогивающимъ современное положеніе вещей, къ каковымъ относился и вопросъ объ отношеніи церкви и государства. Но какъ бы тамъ ни было, а члены новыхъ высшихъ законодательныхъ учрежденій не могутъ найти въ наукѣ достаточной помощи по вопросу объ отношеніяхъ въ Россіи церкви и государства, соответствующихъ природѣ того и другого общенія. Нигдѣ не слышно по этому поводу и достаточно разъясняющаго вопросъ голоса ни со стороны высшаго церковнаго управленія, ни со стороны отдѣльныхъ официальныхъ представителей Православной Церкви.

Многіе члены правительственныхъ и законодательныхъ учрежденій вынуждены сами, искренно или нѣтъ, принимать на себя роль блюстителей интересовъ Церкви, и во имя ихъ требовать того или другого направленія вѣроисповѣднаго законодательства. Но не подготовленные къ рѣшенію вопроса они часто высказываютъ совершенно противорѣчивыя соображенія, какъ это и случилось, наприм. при составленіи и обсужденіи закона о старообрядческихъ общинахъ.

Вообще же въ этихъ соображеніяхъ чувствуется обыкновенно излишнее вліяніе политики и даже узкой партійности, которая, по свидѣтельству опыта жизни, очень ограничиваетъ кругозоръ въ вопросахъ, связанныхъ съ Церковью, и только еще болѣе осложняютъ и запутываютъ вопросъ объ отношеніи ея къ государству.

Тѣмъ необходимѣе является въ настоящее время коллек-

тивная работа по этому вопросу людей науки и государственных дѣятелей, а также выслушаніе объ этомъ самой Церкви въ лицѣ ея собора.

Не слѣдуетъ, конечно, впадать при этомъ въ другую крайность, къ чему расположены многіе. Они требуютъ, чтобы даже вѣроисповѣдные законы, предназначенные къ нормированію положенія въ государствѣ всякаго рода религиозныхъ обществъ, разсматривались одними церковными учрежденіями. Но вѣдь это недоразумѣніе, которое едва ли не объясняется столь укоренившейся у насъ привычкой смѣшивать понятіе церковнаго и государственнаго и едва ли не поддерживается недостаточнымъ сознаніемъ задачъ и порядка государственнаго законодательства.

Въ вопросахъ, которые представители государства желаютъ разрѣшить въ интересахъ Церкви и *нерѣдко пользуются для этого именемъ Церкви, естественно, спросить Церковь. Возлагать же на церковныя учрежденія писать государственные законы, да еще относительно обществъ къ ней не принадлежащихъ, это значитъ уже навязывать Церкви то, что свойственно государству.*

Во всякомъ случаѣ разрѣшеніе вопроса объ отношеніи церкви и государства въ Россіи, вызываемое новыми условіями жизни, составляетъ важнѣйшую задачу нашего времени. Отказаться отъ этой задачи и предоставить событіямъ идти какъ попало, а законамъ слагаться въ зависимости отъ случайнаго состава занимающихся ими лицъ—развѣ это не значитъ обнаружить непростительное равнодушіе къ интересамъ Православной Церкви и русскаго государства и принять на себя великую отвѣтственность за посягаемыя теперь сѣмена направленій духовно - нравственной жизни можетъ быть цѣлаго ряда будущихъ поколѣній?

Чтобы ориентироваться въ сложномъ вопросѣ объ отношеніи церкви и государства необходимо отдать себѣ отчетъ въ самомъ понятіи о Церкви и задачахъ государства въ области духовной жизни человѣка. Если при разрѣшеніи этого вопроса мы будемъ оперировать съ извращеннымъ и даже недостаточно яснымъ понятіемъ о Церкви, не соответствующимъ ея природѣ и задачамъ, то уже одно это составитъ, конечно, большое препятствіе не только къ правильному рѣшенію, но и къ правильной постановкѣ всей важной проблемы.

Стоитъ по возможности яснѣ представить себѣ христіанство съ его нравственной высотой и безконечностью духовнаго содержанія жизни, открывающимися въ личности Христа Спасителя, и сопоставить христіанство съ обычнымъ состояніемъ человѣка съ его ограниченностью и съ той глубокой борьбой въ его душѣ добра и зла, которыя такъ ярко описаны, наприм. Блаженнымъ Августиномъ въ его извѣстной Исповѣди. Тогда для насъ сдѣлается понятнымъ, что храненіе въ мірѣ христіанства должно было происходить особымъ образомъ и не могло быть ввѣрено какимъ-либо отдѣльнымъ людямъ, какъ бы высоки они ни были.

Кто изъ людей могъ бы рѣшиться по совѣсти принять на себя продолженіе дѣла христіанства? Еслибы такой вопросъ по отношенію къ кому-либо изъ людей и возникъ, то подъ влияніемъ сознанія великой разницы между собой и Основателемъ христіанства человѣкъ едва-ли не почувствовалъ бы себя такъ же, какъ это случилось однажды, съ апостоломъ Петромъ. Увидя около себя Христа, только что совершившаго чудо, апостоль „припалъ къ колѣнамъ Іисуса и сказалъ: „выйди отъ меня, Господи, потому что я человѣкъ грѣшный“... (Лук. V, 8). Тотъ, кто началъ бы утверждать, что онъ-то лично и есть продолжатель дѣла Христа, сейчасъ же показался бы намъ или человѣкомъ, не понимающимъ дѣло христіанства и не вѣдающимъ, что говоритъ, или же человѣкомъ совершенно ослѣпленнымъ самообольщеніемъ.

Для храненія въ мірѣ христіанства мало было отдѣльныхъ лицъ и даже какого-либо обыкновеннаго человѣческаго союза. Для этого потребовалось образованіе цѣлаго новаго общенія, объединеннаго новымъ процессомъ жизни, проникнутымъ вѣрой во Христа, и стоящаго въ таинственной связи съ Нимъ (Мтѣ. XXVIII, 20).

Это общеніе представляетъ изъ себя новый высшій видъ общественнаго бытія, основано Самимъ Спасителемъ, сохраняется въ мірѣ непрерывно при смѣнѣ вступающихъ въ него поколѣній, и называется Церковью. Учрежденіе Церкви вызвано и тѣми свойствами нашей природы, которыя еще древнихъ заставили назвать человѣка существомъ общественнымъ. Извѣстно, что только въ связи съ другими человѣкъ можетъ, какъ должно развиваться, и достигать своего назначенія. Предоставленный же самому себѣ человѣкъ

во всѣхъ отношеніяхъ оказывается слабъ и беззащитенъ. Соединенный же съ себѣ подобными человекъ становится силенъ и смѣлъ.

Вспомнимъ затѣмъ, какое вліяніе оказываетъ на человекъ общество, какъ иногда тяготѣетъ оно надъ отдѣльнымъ человекомъ. Уже одно единеніе съ хорошимъ обществомъ возвышаетъ человекъ и помогаетъ ему въ выполненіи высшихъ задачъ жизни. Между тѣмъ, какъ близкое соприкосновеніе съ дурнымъ обществомъ особенно способствуетъ развращенію людей.

Личность человѣческая поставлена въ міръ не отдѣльно, а въ связи съ другими себѣ подобными. Связь эта не создается лишь свободною волею людей во имя какихъ-нибудь ихъ частныхъ интересовъ. Она составляетъ глубокую и постоянную потребность нашей природы. Общественность есть необходимое условіе правильнаго развитія личности. Природа наша нуждается въ установленіи общенія людей и ихъ взаимопомощи или, какъ говорятъ, въ извѣстныхъ социальныхъ условіяхъ. Соприкосновеніе человекъ съ людьми создаетъ около него новыя условія необходимыя для развитія въ немъ свойствъ потенциально заложенныхъ въ его природѣ. Изолированный человекъ не можетъ достигнуть такой степени развитія и совершить то же, какъ въ соединеніи съ себѣ подобными. Представители социальныхъ наукъ справедливо указываютъ, что о „принципально изолированномъ человекѣ“ исторія не даетъ намъ свѣдѣній. Мы знаемъ въ дѣйствительности только людей, живущихъ въ правильномъ сообществѣ, вышедшихъ изъ него, принявшихъ изъ рукъ общества всѣ лучшія жизненныя блага, которыми они пользуются, и возвращающихъ эти блага опять-таки обществу. Даже для удовлетворенія самыхъ обычныхъ потребностей и задачъ человекъ не можетъ оставаться одинокимъ, и на этой почвѣ возникаютъ государство и разные союзы. Столь привлекающее къ себѣ въ настоящее время вниманіе социалистическое ученіе, между прочимъ основывается на признаніи ничтожности и безпомощности отдѣльнаго человека, предоставленнаго своимъ собственнымъ силамъ внѣ связи съ себѣ подобными, и на убѣжденіи въ необходимости крѣпкаго соединенія людей для достиженія ими своихъ цѣлей. Можно сказать, что во всѣхъ сферахъ жизни необ-

ходимо известное сочетаніе начала личнаго и общественнаго. Отъ правильнаго взаимоотношенія того и другаго во многомъ зависитъ успѣшное и гармоническое развитіе жизни.

Почему же широкая область религіозной жизни должна составлять исключеніе изъ этого? Почему замкнутая въ самой себя, оторванная отъ общенія съ другими и саму себя дѣлающая мѣркой человѣческая личность оказывается по самой ограниченности, недостатку силъ и безпомощности неспособной жить полной жизнью при обыкновенныхъ ея цѣляхъ и вдругъ признается иной природы и способной къ правильной жизни въ области религіозной? Почему по отношенію къ христіанству, заключающему въ себѣ высшій идеаль жизни, осуществленіе котораго встрѣчаетъ препятствіе въ эгоизмъ и требуетъ усилій, можетъ считаться достаточно для человѣка личныхъ силъ, соображеній и вѣрованій, какъ каждому, подавленному тѣми или другими мыслями или явленіями, придеть въ голову? Историческій опытъ напротивъ ясно показываетъ, что именно въ области религіи, гдѣ наша душа соприкасается съ безконечностью. человѣкъ, предоставленный самому себѣ оказывается слабымъ и требующимъ участія и поддержки со стороны другихъ. Онъ можетъ не только извращать свои религіозныя потребности, но и сосредоточивать свое вниманіе и желаніе на предметахъ низкихъ, обоготворять свои отвлеченныя понятія или какія-либо проявленія своей природы или даже птицъ, животныхъ и звѣрей. Каждый знакомый съ исторіей долженъ знать, до какихъ предѣловъ можетъ доходить въ этомъ отношеніи человѣкъ, вздумавшій сдѣлать самого себя мѣриломъ въ религіозной жизни. Апостоль Павелъ обращаетъ вниманіе, что многіе люди въ отношеніи къ религіи осуетились въ своихъ умствованіяхъ и омрачили сердце. Называя себя мудрыми, обезумѣли и славу нетлѣннаго Бога измѣнили въ образъ подобный тлѣнному человѣку и птицамъ и четвероногимъ и пресмыкающимся... Замѣчаніе апостола, что многіе люди замѣнили истину Божью ложью и поклонились и служили твари вмѣсто Творца ¹⁾... остается справедливымъ для всѣхъ вѣковъ. Все сводится лишь къ тому, что подмѣна понятій о Богѣ и извращеніе идеала

¹⁾ Посланіе къ Римлянамъ I, 21—25.

жизни въ разное время бываетъ не одинакова, то въ болѣе грубой формѣ, какъ преимущественно въ древнее время. то въ болѣе тонкой, для очень многихъ отдѣльныхъ людей часто даже трудно уловимой. Въ дѣлѣ религіи общественному началу принадлежитъ важное значеніе, и оно входитъ въ самое существо христіанства. Безъ развитія лежащаго въ природѣ христіанства общественнаго начала оно не выполнило бы своего назначенія на землѣ. Храненіе и распространеніе въ мірѣ высшей жизни съ ея тайнами общенія человѣческой души съ Богомъ Христосъ передалъ тѣсно объединенному Имъ въ Себѣ особому обществу людей, составившему первыя какъ бы „живые камни“ великаго зданія Церкви. Когда по прекращеніи земной жизни Спасителя христіанство выступило въ мірѣ, какъ уже совершенно образовавшееся цѣлое, то передъ сознаніемъ св. апостола Павла, который сразу глубоко его воспринялъ, христіанство сейчасъ же раскрылось какъ тѣсное и гармоническое сочетаніе въ его природѣ начала личнаго и общественнаго. Отдавшій всего себя дѣлу христіанства апостолъ не ограничился тѣмъ, что много отдѣльныхъ лицъ будутъ обращены въ христіанство и на свое пребываніе въ христіанствѣ будутъ смотрѣть какъ на свое частное дѣло. Вниманіе и труды апостола простирались одновременно и на созиданіе чего-то общаго и объективнаго въ христіанствѣ, причемъ онъ ясно указывалъ, что самая принадлежность къ христіанству требуетъ отъ человѣка живого участія въ этомъ общемъ, служенія ему по мѣрѣ силъ, каждаго и преслѣдованіе въ своей жизни извѣстныхъ общественно-христіанскихъ задачъ. Человѣкъ, сдѣлавшійся христіаниномъ, представлялся апостолу не одинокимъ, а какъ членъ общаго цѣлаго, занимающій въ немъ то или другое свойственное ему положеніе. Передъ духовнымъ вворомъ апостола, хорошо понимавшаго задачи религіозной жизни человѣка это обширное цѣлое выступало какъ тѣло Христово ¹⁾, которое по его собственному разъясненію, и есть Церковь ²⁾. Самого себя апостолъ разсматриваетъ не какъ служителя на пользу отдѣльнымъ людямъ, а какъ служителя Церкви ³⁾. Подобно этому въ цѣли поста-

¹⁾ 1 Коринф., XII, 27.

²⁾ Колоссянамъ I, 24 и Ефесян. I, 22—23.

³⁾ Колос. I, 25.

Вленія Христомъ однихъ апостолами, другихъ пророками, иныхъ евангелистами, иныхъ пастырями и учителями, апостольскій указываетъ—созиданіе Тѣла Христова, или Его Церкви. Привлеченіе людей въ христіанство апостольскіе не ограничиваютъ обращеніемъ ихъ въ лицѣ, стоящихъ особнякомъ въ своемъ религіозномъ настроеніи и вѣрѣ, а требуетъ преобразованія ихъ въ живыхъ членовъ Тѣла Христова ¹⁾.

Вообще для обезпеченія дѣйствія добра въ мірѣ нельзя ограничиться, чтобы оно было усвоено вполне только отдѣльными лицами и сдѣлалось лишь содержаніемъ ихъ жизни. Добро должно дѣйствовать также и собирательно, путемъ извѣстнаго общественнаго процесса. Недостаточность субъективнаго добра и необходимость его собирательнаго воплощенія, по разъясненію В. С. Соловьева, слишкомъ очевидно доказывается всѣмъ ходомъ человѣческой исторіи ²⁾. Общество, по его выраженію, есть нравственное восполненіе личности въ данномъ жизненномъ кругу.

При такихъ условіяхъ христіанство не выполнило бы своего назначенія, если бы его явленіе не сопровождалось основаніемъ Церкви, какъ извѣстной общественной христіанской организаціи.

Религіозная сторона человѣческой жизни находитъ себѣ воплощеніе не въ отдѣльныхъ лицахъ, а въ Церкви, какъ одномъ цѣломъ, гдѣ ограниченная природа одного находитъ себѣ расширеніе и поправку въ цѣломъ. Что превышаетъ силы и способность одного, то является доступнымъ Церкви во всей ея совокупности, какъ единому живому организму Тѣла Христова.

Необходимость въ религіозно-нравственной области такого общенія, какъ Церковь, сознается вполне и многими представителями общественныхъ и государственныхъ наукъ. Вотъ, наприм., свидѣтельство русскаго ученаго Б. Н. Чичерина, которое вообще полезно имѣть въ виду общественнымъ и государственнымъ дѣятелямъ.

По разъясненію Чичерина, въ Церкви человѣкъ находитъ нравственную опору и руководство. Тутъ прекращаются

1) Ефесян. V. 30

2) Полное собраніе сочиненій В. С. Соловьева, т. VII. Оправданіе добра, тл. XII, стр. 262.

колебанія личной совѣсти, которая, будучи предоставлена исключительно себѣ самой, можетъ увлекаться разнородными побужденіями или находится въ недоумѣніи при столкновеніи обязанностей. Въ Церкви человѣкъ обрѣтаетъ нравственный кодексъ, устанавливающій общія правила жизни, и живыхъ толкователей этого устава, облеченныхъ высшимъ авторитетомъ. Имѣть такую опору составляетъ потребность въ особенности для тѣхъ, которые не чувствуютъ въ себѣ достаточно внутренней силы, чтобы противостоять всѣмъ жизненнымъ искушеніямъ и итти твердою стопою среди превратностей, окружающихъ человѣка. Къ этому разряду принадлежитъ большинство людей, въ особенности женщинъ, для которыхъ, по самой ихъ природѣ, опора всегда необходима. Но даже изъ среды избраннаго меньшинства, кто можетъ чувствовать въ себѣ достаточно нравственной твердости, чтобы никогда не нуждаться въ поддержкѣ? Пока человѣкъ молодъ, и жизнь предстоитъ еще впереди, онъ носитъ въ себѣ непоколебимую вѣру въ собственные силы; ему кажется, что онъ способенъ всегда устоять на своихъ ногахъ, и что ничто его не опрокинетъ. Но жизненный опытъ убѣждаетъ его въ тщетѣ этихъ юношескихъ убѣжденій. Предоставленный себѣ, безъ нравственной поддержки, человѣкъ рѣдко бываетъ въ состояніи противостоять осаждающимъ его искушеніямъ. Онъ спотыкается и падаетъ на жизненномъ пути, и когда нравственная сила его сломлена, когда увѣренность въ своей безпорочности въ немъ исчезла, онъ слишкомъ уже поздно убѣждается, что и ему необходима опора, и что эту опору онъ можетъ найти только въ нравственномъ общеніи съ другими, въ томъ высшемъ союзѣ, который, соединяя его съ ближними и съ Богомъ, даетъ ему и проистекающую изъ этого общенія нравственную силу, способную поддержать его въ жизни. Чѣмъ выше въ человѣкѣ нравственное сознаніе, тѣмъ яснѣе онъ видитъ, что нравственность всего менѣе терпитъ одинокую мысль и одинокую дѣятельность ¹⁾.

Религіозная жизнь христіанскаго человѣчества, какъ и всякая жизнь, требуетъ, по утвержденію русскаго философа В. С. Соловьева, опредѣленной формы и находить эту форму

¹⁾ Б. Чичеринъ. Наука и религія кн. 2. гл. V, стр. 263—264. Москва 1879 г.

въ церкви. Можетъ-ли и долженъ ли человекъ, спрашиваетъ В. С. Соловьевъ, для достиженія цѣлей христіанства полагаться на свои собственныя силы, на порывы личнаго чувства, на свое индивидуальное толкованіе текстовъ и т. д. или же онъ долженъ опереться на что-нибудь болѣе прочное, болѣе могущественное и болѣе совершенное, чѣмъ онъ самъ и ему подобныя? Нужно-ли отвѣчать на такой вопросъ, замѣчаетъ Соловьевъ. „Пока человекъ остается и утверждается въ своей ограниченности и отдѣльности въ немъ нѣтъ Бога и чтобы выйти изъ этой ограниченности онъ долженъ обратиться къ тому, что больше и выше, чѣмъ онъ самъ. Это большее и высшее, чѣмъ онъ самъ, человекъ находитъ въ церкви со стороны ея божественнаго основанія и формы“¹⁾.

Церковь, какъ вполне ясно почти изъ каждой страницы св. Писанія, возникла вовсе не какъ союзъ или общество людей, основанный на соглашеніи человѣческихъ волей и по своему рѣшенію или уполномочію вызвавшей къ жизни въ области Церкви ея характерныя черты. Въ Церкви должна господствовать воля ея Основателя, къ которой людямъ слѣдуетъ приставать, какъ овцамъ къ своему пастырю, положившему за нихъ Свою душу. Такимъ образомъ въ природѣ Церкви, выражаясь юридическимъ языкомъ, лежитъ кромѣ общественнаго и начало институтное. Церковь является также проходящимъ черезъ всѣ вѣка учрежденіемъ для спасенія людей, которое по существу измѣнить никто не можетъ. Если бы даже мы или ангель сталъ благовѣствовать вамъ, не то, что мы благовѣствовали вамъ, предупреждаетъ великій дѣятель Церкви, да будетъ анафема (Гал. 1, 8). Люди могутъ или присоединяться къ Церкви или отпадать отъ нея, но они не могутъ измѣнять ея принципозъ или еще тѣмъ болѣе создать ее вновь. Церковь, какъ Божественное установленіе, стоитъ выше человѣческаго произвола.

Во всякомъ случаѣ исторіей твердо засвидѣтельствовано, что Церковь явилась въ мірѣ, какъ нѣчто самостоятельное. Она возникла не только безъ всякаго участія и санкціи государства, но въ теченіи цѣлыхъ трехъ вѣковъ развивалась

¹⁾ Собраніе сочиненій В. С. Соловьева т. III. Духовныя основы жизни. ч. II, гл. 2.

вопреки воли государства при страшныхъ отъ него гоненіяхъ. Какъ общеніе независимое отъ государства, способное жить по своимъ принципамъ и законамъ, Церковь имѣетъ и свое собственное право, оказавшее громадное вліяніе на все правосознаніе человѣчества.

Въ древности верховенство во всѣхъ сферахъ жизни принадлежало государству и ничто не только фактически, но и теоретически не могло противопоставлять себя его всемогущей воли. Права государства были безпредѣльны. Оно распоряжалось и религіозной стороной жизни. Въ древности по свидѣтельству Г. Еллинекъ, безусловно отсутствуетъ ясное сознаніе положительнаго правового притязанія на опредѣленную сферу свободы по отношенію къ государству... Въ античныхъ теоріяхъ государство является всемогущимъ, такъ какъ отсутствуетъ какой бы то ни было мотивъ къ его юридическому ограниченію ¹⁾.

Человѣческая личность сама по себѣ не имѣла значенія и уничтожалась передъ государствомъ. Человѣкъ получалъ извѣстное значеніе только какъ членъ государства. Въ то время мыслили сначала государство, а потомъ индивидуума. Принципомъ древняго римскаго государства во всѣхъ областяхъ жизни сдѣлалось извѣстное положеніе римскаго права: „quod principi placuit legis habet vigorem“ (то, что угодно императору, должно имѣть силу закона).

Только съ появленіемъ въ мірѣ христіанской Церкви, носящей въ себѣ идеалы и сѣмена высшей жизни и тѣсно объединяющей со Христомъ людей разныхъ поколѣній, государство почувствовало, что въ немъ далеко не все заключено для человѣка и что для его власти есть предѣлы, которые оно не можетъ преступать.

Когда на вопросъ книжниковъ,—позволительно ли давать подать кесарю или нѣтъ,—въ мірѣ были произнесены слова Христа: отдавайте кесарево—кесарю, а Божіе—Богу (Лук. XX, 22—25), то этимъ въ сознаніи людей было положено разграниченіе понятій общенія церковнаго и государственнаго. Словами Спасителя данъ книжникамъ не обычный отвѣтъ, относящійся только къ извѣстному частному случаю.

¹⁾ Д-ръ Георгъ Еллинекъ, Проф. Гейдельбергскаго Университета. Общечленіе о государствѣ. Спб. 1903 г. стр. 214 и 216.

но отвѣтъ существенно христіанскій, устанавливающая прѣвильныя отношенія человѣка къ Богу. Спаситель выдѣляетъ человѣческую личность, съ ея высшими потребностями, изъ абсолютной зависимости и власти государства и указываетъ для нея необходимость помнить о другомъ началѣ, отличномъ отъ государственнаго, направляющемъ человѣка къ Богу. Когда опираясь на эти слова, было высказано твердое, какъ гранитъ, убѣжденіе апостоловъ, что „должно Богу повиноваться болѣе чѣмъ людямъ“, когда на основаніи ихъ передъ царями и правителями начали безбоязненно выступать члены церковнаго общенія во всемъ ихъ небываломъ для міра величій духа, то всемогущество государства, претендующаго на роль верховнаго начала во всѣхъ областяхъ жизни, заколебалось. Но государство не такъ-то легко согласилось разоблачиться отъ своего величества и признать предѣлы своей власти. Свойственными ему внѣшними средствами оно открыло жестокую борьбу за свое верховенство, которая и вызвала извѣстныя въ исторіи гоненія на христіанъ.

Нужна была кровь многихъ поколѣній христіанскихъ мучениковъ, чтобы государство наконецъ вынуждено было измѣнить взглядъ на самого себя и начать признавать за человѣческой личностью свойственное ей значеніе. Обогранный кровью мучениковъ выросъ между прочимъ передъ сознаніемъ людей и принципъ свободы совѣсти, впоследствии вошедшій въ составъ, такъ называемыхъ, неотчуждаемыхъ правъ человѣка.

Современная наука государственнаго права разсматриваетъ эти права не какъ даръ или милость государства, а какъ неотъемлемую принадлежность человѣческой природы. Въ этой наукѣ все болѣе и болѣе обнаруживается стремленіе твердо обосновать положеніе, что надъ государствомъ стоятъ нѣкоторыя высшія нормы, которымъ оно должно подчиняться и изъ которыхъ оно черпаетъ и свое оправданіе и свои руководящія начала. „Индивидуумъ, входящій въ государство, какъ та единица изъ совокупности которыхъ слагается народъ, представляется современному правосознанію уже не однимъ подчиненнымъ элементомъ цѣлаго, а прежде всего лицомъ субъектомъ правъ“ ¹⁾.

¹⁾ Проф. П. И. Новгородцевъ. Государство и право. Вопросы философіи и Психологіи книга 75.

Въ новѣйшемъ государствѣ, какъ указываетъ Г. Еллинекъ, никогда даже въ эпохи безграничнаго абсолютизма нельзя было подавить убѣжденія, что индивидъ и по отношенію къ государству представляетъ самодовлеющую и потому долженствующую быть имъ признаваемой моральную и правовую величину ¹⁾).

Весь процессъ такого сознанія въ челоѳчествѣ происходилъ мало-по-малу, выражался въ разныхъ формахъ, и обнаруживался подѣ разными вліяніями, но начался онъ въ глубинѣ прошлыхъ вѣковъ въ тѣсной связи съ фактомъ возникновенія Церкви, какъ высшаго самостоятельнаго общенія, и борьбы съ ней государства за свое всемогущество.

Великое значеніе именно Церкви въ вопросѣ о самоограниченіи государства признають и представители науки государственнаго права, наприм. Блючли. Христіанство, по его утверженію, внесло въ міръ великое и богатое результаты для челоѳчества разграниченіе между церковью и государствомъ. Государство отказалось управлять совѣстью посредствомъ своихъ законовъ. Оно сознало, что на ряду съ нимъ существуетъ религіозное общество, которое имѣетъ собственный жизненный принципъ и собственное видимое тѣло, отличное отъ бытія государства и совершенно самостоятельное. Этимъ былъ положенъ предѣлъ всемогущему господству государства. Государство вынуждено было предоставить религіозную жизнь руководству церкви. Правда, оно не выяснило вполне своего отношенія къ церкви, но свобода религіозной вѣры и богопочитанія была спасена отъ его произвола, и авторитетъ христіанства не сталъ въ зависимость отъ его авторитета ²⁾).

Всемогущее государство и христіанство, по справедливому замѣчанію профессора Вѣнскаго университета Фридриха Маасена, суть двѣ вещи взаимно себя исключаютія. Тотъ, кто утверждаетъ безпредѣльность государственной власти, необходимо отрицаетъ тѣмъ самымъ право христіанской религіи, а тотъ, кто признаетъ за христіанствомъ право на

1) Георгъ Еллинекъ. Общее ученіе о государствѣ стр. 214.

2) Общее государственное право Блючли. Москва 1865 г. т. I. кн. I гл. II, стр. 41 и 53.

существованіе, долженъ отвергнуть вмѣстѣ съ тѣмъ ученіе о всемогущемъ государствѣ ¹⁾).

Этотъ историческій процессъ самоограниченія государства передъ христіанствомъ и подготовилъ почву для возникновенія вопроса о такъ называемыхъ неотчуждаемыхъ правахъ человѣка. Вопросъ этотъ въ своей основѣ содержитъ стремленіе провести твердую грань между государствомъ и личностью и путемъ закона опредѣлить ту сферу, въ которую государство не должно вмѣшиваться.

Выдающийся ученый нашего времени въ области государственнаго права Г. Еллинекъ пришелъ къ заключенію, что мысль объ установленіи законодательнымъ путемъ ряда неотчуждаемыхъ, прирожденныхъ священныхъ правъ индивидуума не политическаго, а религіознаго происхожденія. То, что до сихъ поръ считали послѣдствіемъ революціи, на самомъ дѣлѣ было плодомъ реформаціи и вызванной ею борьбы ²⁾. Но здѣсь нельзя ограничивать свою историческую перспективу только реформаціей. Стоитъ распространить ее дальше въ глубину вѣковъ и уяснить себѣ появленіе самой реформаціи, которая ясно несла въ себѣ протестъ противъ римско-католическаго смѣшенія понятій церковнаго и государственнаго сопровождавшагося тяжелымъ гнетомъ и даже прямымъ насиліемъ надъ человѣческой личностью. Тогда передъ нами выступаютъ болѣе древніе факторы, обнаружившіе свое вліяніе въ исторіи еще въ первые вѣка христіанства, съ которыми пыталась связать себя сама реформація и во имя которыхъ она старалась бороться съ существующимъ римско-католическимъ церковнымъ строемъ.

Идею, что каждый въ качествѣ человѣка имѣетъ права, которыя обязано уважать и само государство наприм., французскій ученый Э. Лабулэ прямо называетъ чисто христіанскою, которую язычество даже и не подозрѣвало. „Въ настоящее время идея эта, по его утвержденію, составляетъ основу нашей цивилизаціи“ ³⁾.

¹⁾ Девять главъ о свободной церкви. Д-ра Фридриха Маасена. Перев. Н. Суворова, Ярославль 1882 г. гл. I, стр. 3.

²⁾ Г. Еллинекъ. Декларация правъ человѣка и гражданина. Москва 1906 г. гл. VII, стр. 65.

³⁾ Эдуардъ Лабулэ, Проф. Collège de France. Государство и его предѣлы. Спб. 1867 г., стр. 93.

Мысль о безконечномъ достоинствѣ человѣка и его личности, по разъясненію русскаго ученаго К. Д. Кавелина, впервые возникла въ христіанствѣ. вмѣстѣ съ нимъ она рано или поздно должна была перейти и въ міръ гражданскій. Оттого признаніе этого достоинства, возможное нравственное и умственное развитіе человѣка сдѣлались, по выраженію Кавелина, лозунгами всей новой исторіи, главными точками или центрами, около которыхъ онъ вертится... „Для всѣхъ народовъ новаго христіанскаго міра—одна цѣль: безусловное признаніе достоинства человѣка, и всестороннее его развитіе“ ¹⁾.

Исслѣдователи въ области исторіи гражданскаго права приходятъ къ выводу, что съ признаніемъ христіанства римскимъ государствомъ въ законодательствѣ его обнаруживается стремленіе возвысить человѣка матеріальнаго въ достоинство существа нравственнаго и въ зависимости отъ этого производить измѣненія и въ его гражданскихъ правахъ ²⁾.

Оказывать подобное вліяніе на государство и на человѣческое правосознаніе и вообще стать на ряду съ государствомъ могло лишь другое великое самостоятельное общеніе, предназначенное объединить въ религіозной жизни цѣлое человѣчество, всѣ народы земли съ разными ихъ политическими воззрѣніями и государственными устройствами. Уже самое возникновеніе Церкви, ея задачи въ мірѣ, и борьба съ ней со стороны государства, которая подъ другими формами едва-ли не начинается снова возгораться, все это ясно свидѣтельствуетъ, что природа Церкви по существу иная, чѣмъ государства, и что нельзя смѣшивать эти два разныхъ общенія.

Итакъ хранительницей въ мірѣ христіанства является Церковь. Церковное общеніе, несущее міру сѣмена и идеалы высшей жизни и преобразующее падшую человѣческую природу въ христіанскомъ направленіи, требуетъ отъ вступаю-

¹⁾ Собраніе сочиненія К. Д. Кавелина т. 1, Сиб. 1897 г. Взглядъ на юридическій бытъ древней Россіи, стр. 15.

²⁾ De l'influence du Christianisme sur le droit civil des Romains.—Par. M. Troplong. President du Senat, Membre de l'Institut. Partie I. Chap. V, стр. 168.

шихъ въ него быть живыми членами церковнаго общенія, участвовать въ немъ всѣмъ своимъ существомъ, разумомъ, сердцемъ и волею.

Уже изъ этого видно, что Церковь есть нравственно-духовный союзъ свободно входящихъ въ нее и свободно принадлежащихъ къ ней людей, имѣющей и видимыя формы. Какія-либо принудительныя мѣры къ вступленію въ церковь и пребыванію въ ней, поражающія дѣятельность разума или воли, находятся въ противорѣчій съ природою церкви.

Сознаніе этого подъ разными формами ясно выступаетъ въ постановленіяхъ древнихъ соборовъ, служащихъ выраженіемъ голоса Вселенской Церкви. Въ этихъ постановленіяхъ ясно различается вѣра „по нуждѣ“ и вѣра „отъ произволенія“ ¹⁾. Несомнѣнно, соборы для обращенія въ христіанство признавали необходимость вѣры отъ произволенія, т. е. свободной. 108 правило Карфагенскаго Собора прямо указываетъ, „чтобы каждый по свободному произволенію принималъ на себя подвигъ христіанства“. Смыслъ этого правила, по толкованію древняго комментатора Вальсамона, въ томъ, что добродѣтель должна быть избранною, а не вынужденною, не невольною, а добровольною. Почему и поставлено въ законѣ, чтобы принимающіе христіанство приступали къ вѣрѣ по свободному произволенію и добровольно, а не по насилію и не по необходимости, ибо то, что бываетъ по необходимости и по насилію, не твердо и непостоянно ²⁾.

Извѣстный русскій ученый въ области церковнаго права архіепископъ Смоленскій Іоаннъ, въ разъясненіе этого правила говорить, что присоединеніе иновѣрцевъ къ Православной Церкви должно быть дѣломъ не принужденія или насилія и какихъ-либо жестокихъ мѣръ противъ нихъ, а свободнаго ихъ расположенія и убѣжденія ³⁾.

На обезпеченіе достаточно сознательнаго и добровольнаго обращенія (въ христіанство между прочимъ) рассчитанъ и самый порядокъ вступленія въ церковь.

Церковь предназначена для спасенія всѣхъ людей и при-

¹⁾ 12 правило Неокесарійскаго собора.

²⁾ Правила св. Соборовъ съ толкованіями. Выпускъ V. Москва 1903 г. стр. 701.

³⁾ Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія. Выпускъ II, Спб. 1851 г. стр. 228.

соединеніе къ ней не ограничено ни національностью, ни происхожденіемъ, ни сословіемъ, ни поломъ. Для этого нужно лишь, чтобы въ душу человѣка проникъ лучъ христіанской истины, чтобы человѣкъ получилъ извѣстную степень вѣры во Христа, научился начаткамъ этой вѣры и принялъ св. крещеніе ¹⁾.

Крещеніе и является необходимымъ условіемъ для вступленія въ число членовъ Церкви и основаніемъ всѣхъ обязанностей и правъ человѣка въ церковномъ обществѣ. Поэтому естественно, что передъ такимъ важнымъ и основнымъ моментомъ въ дѣлѣ христіанской жизни, какъ крещеніе церковныя правила требуютъ отъ cadaго свободнаго исповѣданія вѣры ²⁾. Согласно 46 правилу Лаодикійскаго собора и 78 правилу Трульскаго, готовящіеся ко крещенію должны были изучать вѣру, чтобы приступить ко св. крещенію съ полнымъ сознаніемъ и убѣжденіемъ въ истинѣ того, что исповѣдали и что обязываются соблюдать неизмѣнно и исполнять во всю жизнь ³⁾.

Въ древнее время крещеніе взрослыхъ совершалось лишь, послѣ того какъ они подготовлялись къ нему въ положеніи оглашенныхъ, раздѣлявшихся кромѣ того на нѣсколько степеней. Такой періодъ испытанія и подготовки могъ продолжаться до 3-хъ лѣтъ.

Насколько важнымъ считаетъ церковь именно сознательное и добровольное расположеніе къ принятію крещенія, показываетъ, на прим. 54 правило Карфагенскаго Собора. Оно требуетъ, чтобы даже больные, неспособные давать отвѣтовъ, допускались ко крещенію лишь при условіи, когда другіе подъ собственной отвѣтственностью, т. е. принимая на свою совѣсть, засвидѣтельствуютъ, что больные прежде выражали желаніе креститься и вообще достаточно подготовлены къ нему въ своей душѣ.

Нечего, конечно, и говорить, что Церковь отвергала всякія неискреннія и вызванныя какими-либо посторонними цѣлями обращенія въ христіанство. Когда VII Вселенскому Собору пришлось разсматривать вопросъ о притворномъ

¹⁾ Матѳ. XXVIII, 19, 20, Марка XVI, 16; Іоанна III, 3—5.

²⁾ Правило 6 Неокессарійскаго собора.

³⁾ Опытъ курса церков. законовѣдѣнія арх. Іоанна. Выпускъ I, стр. 456.

обращеніи въ христіанство евреевъ, то Соборъ въ 8 своемъ правилѣ опредѣлилъ, что евреи, притворно принявшіе христіанство, а въ дѣйствительности оставшіеся въ своей прежней вѣрѣ, не должны быть принимаемы ни въ общеніе, ни на молитву, ни въ церковь, но пусть будетъ ясно, что они по своему исповѣданію евреи, ни дѣтей ихъ не крестить, ни въ рабы никого изъ нихъ не покупать или не приобрѣтать. Если же кто изъ нихъ обратится чистосердечно и съ искреннею вѣрою и отъ всего сердца будетъ исповѣдывать христіанскую вѣру, торжественно отвергая еврейскія обычаи и обряды, такого принимать, дѣтей его крестить и упрочивать ихъ отреченіе отъ еврейскаго образа мыслей ¹⁾.

Изъ этого правила кромѣ того видно, что Вселенская Церковь допускала крещеніе дѣтей христіанскихъ родителей, но не находила возможнымъ крестить дѣтей евреевъ безъ дѣйствительнаго обращенія въ христіанство самихъ родителей.

Подобно этому одинъ изъ Карфагенскихъ соборовъ не признавалъ обращенія къ Церкви тѣхъ послѣдователей донатистскаго раскола, о которыхъ приходится думать, что оно произошло подъ давленіемъ какихъ-либо постороннихъ обстоятельствъ, „по алканію земныхъ благъ“, какъ выразился соборъ ²⁾.

Очень характерный случай произошелъ во время IV Вселенскаго, Халкидонскаго Собора, на которомъ происходилъ судъ надъ еретикомъ архимандритомъ Евтихіемъ.

По поводу отеческаго исповѣданія двухъ естествъ въ I. Христвъ Евтихій замѣтилъ членамъ собора: „Вначалѣ я не говорилъ, а теперь говорю это, потому что ваша святость такъ сказала“... Архіепископъ Флавіанъ не только не одобрилъ подобнаго внѣшняго повиновенія, но сейчасъ же высказалъ: „слѣдовательно ты по необходимости, а не добровольно исповѣдуешь истинную вѣру?“ А затѣмъ черезъ нѣкоторое время весь соборъ, вставши, провозгласилъ: „по принужденію нѣтъ вѣры“ ³⁾...

Свободное стремленіе человѣка, какъ необходимое условіе

¹⁾ Правила св. Вселенскихъ соборовъ съ толкованіями ч. II Москва 1877 г.

²⁾ Правило 93 Карфагенскаго Собора. Дѣяніе девяти помѣстныхъ соборовъ, Изданіе Казанской академіи. Казань. 1901 г.

³⁾ Дѣяніе Вселенскихъ соборовъ т. III. Казань 1880 г. стр. 128. 130. Разсужденія Халкидонскаго Собора и чтеніе актовъ. Дѣяніе I.

для привіятія христіанства и пребыванія въ немъ, выдвигается и многими отдѣльными великими представителями Церкви, которые были способны полагать за нее свои души, и, конечно, лучше другихъ могли понимать природу Церкви и ея задачи. Наприм., св. Иринеѣ Ліонскій, жившій во II вѣкѣ, въ своемъ сочиненіи „Пять книгъ противъ ересей“, указывая на слова Спасителя: „сколько разъ я хотѣлъ собрать чадъ твоихъ... и вы не захотѣли“ (Матѣ. XXIII, 37) разъясняетъ ихъ въ томъ смыслѣ, что человѣкъ сотворенъ свободнымъ и призывается къ добровольному исполненію воли Божіей, а не по принужденію. У Бога, замѣчаетъ св. Иринеѣ, нѣтъ насилія и Ему всегда присуща благая воля. При свободѣ выбора со стороны человѣка Онъ всѣмъ даетъ благой совѣтъ, чтобы люди, повинующіеся, по справедливости обладали благомъ, которое, хотя и дано Богомъ, но соблюдено ими самими... И не только въ дѣлахъ, но и въ вѣрѣ Господь сохраняетъ свободу и самовластіе человѣка, говоря: „по вѣрѣ вашей да будетъ вамъ“ (Матѣ. XI, 29) и друг. ¹⁾ Въ книгѣ „Пастырѣ Ерма“, относящейся къ началу второго вѣка, Церковь въ видѣннїи пастыря изображается подъ видомъ башни, строящейся изъ разныхъ камней, причемъ часть камней разсѣкалась и отбрасывалась далеко отъ башни. Камни эти, по толкованію книги, представляютъ собою людей, которые увѣровали притворно и отъ которыхъ не отступила всякаго рода неправда ²⁾.

Знаменитый борецъ за православіе св. Афанасій Великій по обстоятельствамъ своей жизни перенесъ много гоненій за вѣру. Подъ вліяніемъ этого ему пришлось глубоко передумать и перечувствовать и вопросъ объ отношеніи государства къ области религіи.

„Благочестію, разъясняетъ св. Афанасій Великій, свойственно не принуждать, но убѣждать. И Самъ Господь, не принуждая, но отдавая на произволь, говоритъ какъ всѣмъ: „если кто хочетъ итти за Мною“ (Мтѣ. XVI, 24), такъ и ученикамъ: „не хотите-ли и вы отойти. (Іоан. III, 67).

Не полагающіеся на правоту своей вѣры, утверждаетъ св.

¹⁾ Сочиненія св. Иринея Ліонскаго. Пять книгъ противъ ересей. Книга IV, гл. 37 въ рус. переводѣ Пресбраженскаго Спб. 1895 г.

²⁾ Пастырѣ Ерма. Кн. I. Видѣніе 3. Писаніе мужей апостольскихъ.

Афанасій Великій, употребляютъ насиліе и принуждаютъ другихъ вѣрить противъ воли. Такъ діаволь, поелику нѣтъ въ немъ истины, нападая сѣчивою и оскордомъ, сокрушаетъ двери пріемлющихъ его. Спаситель же столь кротокъ, что хотя спрашиваетъ, если кто хочетъ по мнѣ итти (Мтѣ. XVI, 24) и кто хочетъ быть моимъ ученикомъ, однако же приходя къ каждому, не употребляетъ насилія, а напротивъ того ударяетъ въ дверь и говоритъ: „отверзи Мнѣ, сестра Моя, невѣсто (Пѣснь пѣсней V, 2) и, когда отворяютъ, входитъ. Когда же медлятъ и не хотятъ, удаляется“. Не мечемъ и стрѣлами не съ помощью воиновъ, прибавляетъ Афанасій Великій, возвѣщается истина, но убѣжденіемъ и совѣтомъ. Какое же тамъ убѣжденіе—гдѣ страхъ царевъ? Или какой совѣтъ, гдѣ прекословящій имѣетъ передъ собою въ виду заточеніе или смерть? ¹⁾.

Мало того, принужденіе къ вѣрѣ государственною властію, къ чему прибѣгалъ, наприм., покровитель арианъ императоръ Констанцій, по замѣчанію св. Афанасія Великаго, прямо дѣлаетъ каждому явнымъ, что мудрованіе арианъ не по Богу, а человѣческое, и что ариане дѣйствительно не имѣютъ другаго царя кромѣ Кесаря ²⁾.

Необходимость сохраненія свободы человѣка въ дѣлѣ пріятія христіанства выдвигается и многими другими великими его дѣятелями, наприм. св. Кипріаномъ Карфагенскимъ, св. Григоріемъ Богословомъ, св. Іоанномъ Златоустомъ, св. Исидоромъ Пелусіотомъ и др.

„Тайна спасенія, категорически утверждаетъ, наприм. св. Григорій Богословъ, *для желающихъ а не для насильствуемыхъ* ³⁾...“

Поэтому представителямъ церкви, по его разъясненію, должно привлекать народъ къ порядку превосходствомъ своей добродѣтели, не силою обуздывать, но доводить до порядка убѣжденіемъ. Все, что дѣлается не добровольно, кромѣ того что оно насильственно и не похвально, еще и

¹⁾ Посланіе епископа Афанасія къ монахамъ повсюду пребывающимъ, о томъ что сдѣлано арианами при Констанціѣ. Творенія ч. 2 стр. 160 и 129 изд. 1902 г.

²⁾ Тамъ же стр. 130.

³⁾ Сочиненія св. Григорія Богослова ч. I. Слово 12, стр. 254. Москва 1889 г.

не прочно. Вынужденное, подобно растенію насильно согнутому руками, какъ скоро бываетъ оставлено на волѣ, обыкновенно возвращается въ свое прежнее положеніе. Напротивъ совершаемое по свободному произволенію, какъ скрѣпляемое узами сердечнаго расположенія, и весьма законно и вмѣстѣ надежно. Поэтому законъ нашъ и самъ законодатель особенно повелѣваетъ пасти стадо не нуждою, но волею (1 Петр. V, 2) ¹⁾.

Столь же ясно указываетъ на невозможность быть христіаниномъ по принужденію другой великій представитель Церкви св. Іоаннъ Златоустъ. Слова Спасителя: „кто жаждетъ, иди ко Мнѣ и пей“ (Іоан. VII, 37), по его разъясненію, означаютъ, что Христосъ никого не влечетъ принужденіемъ и насиліемъ, но кто имѣетъ великое усердіе, кто пламенѣетъ желаніемъ, того Онъ призываетъ ²⁾. Непозволительно христіанамъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, испровергать заблужденіе принужденіемъ и насиліемъ, но (заповѣдано)—убѣжденіемъ, словомъ и кротостію совершать спасеніе людей“ ³⁾.

Извѣстный подвижникъ св. Исидоръ Пелусіотъ въ письмѣ къ одному епископу утверждаетъ, что принуждать и насильно привлекать къ благочестію тѣхъ, которые свободны, неблагоприлично. Поэтому онъ совѣтуетъ епископу, воспользовавшись гдѣ можно убѣжденіемъ, жизнью своею просвѣщать живущихъ во тмѣ ⁴⁾.

Вполнѣ согласно съ этимъ разсуждаетъ и христіанскій писатель III вѣка Лактанцій. Въ религіи, по его утверженію, принужденіе неумѣстно: Здѣсь надлежитъ дѣйствовать болѣе словами, нежели бичами, чтобы была свобода принять или

¹⁾ Сочиненія св. Григорія Богослова ч. I. Слово 3, стр. 20.

²⁾ Полное собраніе твореній св. Іоанна Златоуста изданія Петербург. Духовн. Акад. т. VIII книга I Бесѣды на евангеліе св. ап. Іоанна Богослова Бесѣда стр. 334. Сравн. Бесѣда I о предательствѣ Іуды т. II кн. I стр. 413 Спб. 1896 г. и Бесѣда на псалмы т. V. кн. I. стр. 123 Спб. 1899 г.

³⁾ Тамъ же т. 2. кн. 2. Слово о св. Вавилѣ и противъ Юліана стр. 577 Спб. 1889 года.

⁴⁾ Творенія св. отцовъ въ русскомъ переводѣ издаваемыя при Москов. Д. Академіи. Москва 1906 г. Творенія св. Исидора Пелусіота. ч. II. Письмо 453 къ Епископу Аполловію.

не принять ее... Мы никого не обольщаемъ, какъ насъ въ томъ обвиняють. Мы только преподаемъ, доказываемъ, объясняемъ наше ученіе. Мы никого противъ воли не удерживаемъ. Въ комъ нѣтъ вѣры и благочестія, тотъ Богу не нуженъ... Нѣтъ ничего свободнѣе религіи, и она совершенно уничтожается, какъ скоро приносящій жертву бываетъ къ тому насильно принуждаемъ ¹⁾.

Другой древній христіанскій писатель Тертулліанъ, выступавшій на защиту христіанства передъ язычниками, утверждаетъ, что богопочитанію не подобаетъ вынуждать богопочитаніе, такъ какъ оно должно быть принято добровольно, а не путемъ насилія, и такъ какъ жертвы требуются отъ духа волящаго ²⁾. Лишеніе же свободы въ религіи, когда человѣка принуждаютъ почитать того, кого онъ не хочетъ, въ глазахъ Тертулліана заслуживаетъ даже названіе иррелигіозности. „Никакой Богъ, замѣчаетъ онъ, и даже никакой человѣкъ не пожелаетъ почитанія принужденнаго“ ³⁾.

Сравнительно еще недавно въ посланіи Восточныхъ патріарховъ въ 1723 г. съ изложеніемъ православной вѣры, „по тщательномъ изслѣдованіи“, принятомъ на соборѣ 1672 года, именуемомъ Іерусалимскомъ, категорически высказано, что „Вселевская Церковь не принуждаетъ, не дѣлаетъ насилія, но призываетъ, извѣщаетъ, научаетъ тому, что есть въ писаніи, и убѣждаетъ силою Духа“ ⁴⁾.

Въ дополненіе ко всему этому не мѣшаетъ припомнить хорошо разъясняющій вопросъ соображенія русскаго философа В. С. Соловьева. Насильно, говоритъ онъ, нельзя заставить человѣка измѣнить свою волю, можно заставить его отказаться отъ дурного дѣйствія—страхомъ или принужденіемъ, но не отъ дурной воли, которая есть движеніе внутреннее, неподверженное внѣшней силѣ. Только волею

1) Сочиненія Лактанція ч. I. Божественныя наставленія, книга V гл. 20 Спб. 1848 г.

2) Библіотека твореній св. отцовъ и учителей Церкви западныхъ. Изданіе Кіевской Академіи. Сочиненія Кв. С. Фл. Тертулліана, ч. I. Кіевъ 1910 года. Посланіе къ Проконсулу въ Африкѣ Скапулѣ, стр. 219.

3) Тамъ же. Апологія, гл. XXIV.

4) Царскія и патріаршія грамоты объ учрежденіи Св. Синода. Свб 1838 г. Посланіе патріарховъ Восточно-Католической Церкви о православной вѣрѣ стр. 70.

можетъ человѣкъ отказаться отъ зла и только волею можетъ онъ признать сущее добро или Бога. Вѣра въ Бога, будучи тайнымъ взаимодействіемъ между самимъ Божествомъ и человѣческой душою, требуетъ прямого участія человѣческой воли. Помимо своей воли человѣку нельзя вѣрить въ Бога. Если мы не хотимъ вѣрить, то мы и не будемъ вѣрить. Богъ не хочетъ быть внѣшнимъ фактомъ, который невольно навязывается намъ: Богъ есть внутренняя истина, которая нравственно обязываетъ насъ добровольно признать ее. Вѣрить въ Бога—есть наша нравственная обязанность. Человѣкъ можетъ не исполнять своей нравственной обязанности, но тогда онъ неизбѣжно теряетъ свое нравственное достоинство ¹⁾).

Если такова природа Церкви, требующая сознательнаго и свободнаго участія въ церковной жизни, то этимъ почти уже предрѣшается и другой вопросъ, часто выдвигавшійся на протяженіи исторіи, какъ должно относиться къ людямъ, отвергающимъ христіанство или отпавшимъ отъ него. Отдѣльные лица по горячности свой натуры или по свойственной человѣку ограниченности кругозора или по какимъ-либо другимъ видамъ нерѣдко бываютъ склонны въ отношеніяхъ съ такими людьми къ разнаго рода внѣшнимъ мѣрамъ болѣе или менѣе принудительнаго характера. Подобную горячность, какъ извѣстно, обнаружили однажды и сами апостолы. Жители одного изъ Самарянскихъ селеній, лежащаго на пути въ Іерусалимъ, отказали ученикамъ принять Христа. Двое апостоловъ, оскорбленные за своего Учителя, просили разрѣшенія низвести съ неба огонь для наказанія жителей. Но Спаситель запретилъ имъ и сказалъ: „не знаете, какого вы духа. Сынъ Человѣческой пришелъ не погублять души человѣческія, а спасать. И пошли, добавляетъ евангелистъ, въ другое селеніе“. (Лук. IX, 51—56).

Кромѣ того несоотвѣтствіе духу христіанства употребленія насильственныхъ мѣръ противъ людей въ области нравственно-духовной жизни, наприм., практиковавшейся нѣкогда смертной казни еретиковъ, разъяснено подъ видомъ притчи о человѣкѣ, посѣявшемъ хорошее сѣмя на полѣ своемъ и

¹⁾ Собраніе сочиненій В. С. Соловьева т. III. Духовныя основы жизни ч. I, стр. 283.

о появившихся на полѣ плевелахъ. Когда служители предложили вырвать плевелы, то господинъ поля не разрѣшилъ этого, чтобы вмѣстѣ съ плевелами не была выдернута и пшеница, а приказалъ оставить все рости до жатвы. (Матѣ. XIII, 24—30).

А вотъ, наприм., исполнѣ согласное съ этимъ духомъ заявленіе епископовъ первой Сиріи императору Льву въ половинѣ V вѣка, сохранившееся среди актовъ, относящихся къ IV Вселенскому Халкидонскому Собору. „Мы приедемъ. писали между прочимъ епископы, всѣхъ вообще, кто вмѣстѣ съ нами соблюдаетъ отеческія преданія, а тѣхъ, которые отрицаютъ отеческую истину, осуждаемъ, какъ отлученныхъ, ничего болѣе не желая относительно ихъ ¹⁾).

Нѣсколько иначе, конечно, относилась Церковь къ вопросу о присоединеніи дѣтей. Какъ видно изъ церковныхъ правилъ, наприм., 73 и 124 Карфагенскаго, 84 Трулльскаго и 8 правила VII Вселенскаго Собора, Церковь вообще находила нужнымъ крещеніе малолѣтнихъ. Согласно 124 правилу Карфагенскаго Собора, отвергающіе необходимость крещенія новорожденныхъ дѣтей подвергаются даже отлученію. Кромѣ догматическихъ основаній по вопросу о крещеніи дѣтей Церковь раздѣляла и свойственное людямъ убѣжденіе, что въ силу кровной и нравственно-духовной связи дѣтей и родителей личность дѣтей можетъ быть представляема ихъ родителями и что этого представительства относительно дѣтей достаточно и для церковныхъ цѣлей. Поэтому христіанскіе родители обязывались крестить своихъ дѣтей. Это церковное требованіе послужило затѣмъ основаніемъ для закона Императора Юстиніана, который предписывалъ родителямъ послѣ ихъ крещенія присоединять къ Церкви своихъ малолѣтнихъ дѣтей немедленно. Вообще Церковь не только не требовала разрыва семейныхъ отношеній и той естественной связи, которая существуетъ между родителями и дѣтьми, но поддерживала эти отношенія, лишь одухотворяя ихъ и возводя къ высшимъ цѣлямъ жизни. Въ 15 и 16 правилахъ Собора Гангрскаго Церковь

¹⁾ Посланіе епископовъ первой Сиріи къ Императору Льву. Дѣянія Вселенскихъ соборовъ. Изданіе Казанской Духовной Академіи т. IV 1878 г. стр. 213.

предупреждаетъ возможность разрыва естественной связи между родителями и дѣтьми подѣ предлогомъ, который въ глазахъ нѣкоторыхъ могъ заслуживать вниманія. Если кто либо, говоритъ Соборъ, оставляетъ своихъ дѣтей, а не питаетъ ихъ и, насколько отъ него зависитъ, не приводитъ къ подобающему благочестію, но подѣ предлогомъ отшельничества верадить о нихъ, „да будетъ подѣ клятвою“. Подобному же отлученію должны подвергаться и дѣти, если они подѣ предлогомъ благочестія покинуть родителей въ особенности вѣрующихъ, и не станутъ оказывать имъ должнаго почитанія. „Впрочемъ, поясняетъ Соборъ, правовѣріе да будетъ ими соблюдаемо предпочтительно“. Такимъ образомъ дѣти, по смыслу 16 правила Гангрскаго Собора, не могутъ подѣ предлогомъ благочестія оставлять даже невѣрующихъ родителей, если конечно, это не угрожаетъ ихъ правовѣрію.

Но въ вѣдѣніи Церкви, которая въ древности охватывала гораздо большій кругъ разныхъ жизненныхъ отношеній, часто оказывались дѣти, лишившіяся родителей или покинутыя ими, а также взятыя въ плѣнъ на войнѣ, выкупленныя или возвращенныя изъ плѣна. Относительно такихъ дѣтей Трулльскій Соборъ въ 84 правилѣ опредѣлилъ, что всякій разъ, какъ нѣтъ достовѣрныхъ свидѣтелей, несомнѣнно утверждающихъ о крещеніи этихъ дѣтей, и сами они по малолѣтству не могутъ дать на это отвѣтъ, ихъ нужно крестить безъ всякаго недоумѣнія, чтобы дѣти по недоразумѣнію не были лишены очищенія святостью крещенія. Устанавливая это правило, Соборъ поясняетъ, что оны слѣдуетъ въ немъ „каноническимъ постановленіямъ отцовъ“, т. е. еще болѣе древнему церковному порядку. При отсутствіи родителей забота о христіанскомъ воспитаніи крещенныхъ дѣтей возлагалась на особыхъ воспріемниковъ, обыкновенно въ лицѣ діаконовъ и діакониссъ“.

Кто сознательно и добровольно присоединился къ церкви, тотъ тѣмъ самымъ рѣшилъ подчиняться нормамъ церковной жизни и ея порядкамъ. Церковь представляетъ изъ себя продолжающееся со времени явленія Христа особаго рода общеніе. Объемъ понятія о Церкви отнюдь не выражается въ живущихъ въ какое-либо время людяхъ. Оны гораздо шире ихъ. Церковь проникаетъ въ глубь истекшихъ вѣковъ,

и въ ней настоящее сливается съ прошлымъ въ одномъ процессѣ нравственно-духовной жизни. По отношенію къ отдѣльнымъ членамъ Церковь есть нѣкоторое высшее цѣлое, внутренне восполняющее недостатокъ и ограниченность человѣческой личности. Цѣлое это живетъ по собственнымъ принципамъ и на основаніи ихъ устраиваетъ свои порядки жизни, и все это не можетъ быть предоставлено произволу его членовъ. Въ Церкви возникаютъ отношенія ея членовъ не только другъ къ другу, но и къ самой Церкви. Всѣ эти отношенія регулируются извѣстными нормами, которыя необходимы для самаго сохраненія Церкви въ мірѣ, какъ одного непрерывнаго цѣлага. Слѣдуя этимъ нормамъ, каждый отдѣльный человѣкъ не только не препятствуетъ своему духовному развитію, но находитъ въ этомъ внутреннія условія и внѣшнюю среду для реализаціи своего высшаго идеала и достоинства. Въ Церкви человѣкъ дѣлается членомъ высшаго общественнаго организма, который расширяетъ его сознаніе, укрѣпляетъ его духовныя силы и доставляетъ ему полное глубокаго смысла и не исчезающее передъ лучомъ вѣчности содержаніе жизни.

Но когда члены Церкви начинаютъ нарушать нормы ея жизни, Церковь, подобно всякому обществу, не можетъ примиряться съ этимъ и не принимать тѣхъ или другихъ мѣръ къ защитѣ своихъ нормъ и возстановленію нарушеннаго порядка... Каждое общество не можетъ не требовать стъ своихъ членовъ соблюденія его основнаго устава, рассчитаннаго на достиженіе цѣлей общества. Иначе общество теряетъ смыслъ своего существованія. Въ этомъ отношеніи представители науки, изучавшіе вопросы общественные, не могутъ сдѣлать исключенія и для такого общенія какъ Церковь. Проф. Б. Н. Чичеринъ, наприм., справедливо разъясняетъ, что „человѣкъ свободно примыкаетъ къ Церкви, но приобщаясь ей, онъ признаетъ надъ собой высшій законъ, который не имъ установленъ и который онъ не вправе измѣнять самовольно“... Свобода лица относительно Церкви существенно состоитъ лишь въ добровольномъ подчиненіи. Никто не вправе требовать отъ человѣка этого подчиненія, но, если онъ хочетъ быть членомъ Церкви онъ долженъ покоряться ея власти и уставамъ..., сознавая шаткость личной совѣсти и личной мысли и стараясь согласить ихъ съ непоколеби-

ими основами церковнаго ученія и преданія. „Сама же Церковь, замѣчаетъ Чичеринъ, можетъ оказать снисхожденіе этому субъективному элементу, но не можетъ признать его господство надъ собою“¹⁾.

Для защиты церковныхъ нормъ и порядка въ области Церкви создано особое учрежденіе, называемое церковнымъ судомъ. Идея церковнаго суда, въ которомъ Церковь выступаетъ, какъ самостоятельная величина со своими законами, имѣющая право исключать изъ своей среды людей, не желающихъ слѣдовать нормамъ ея жизни, основывается на извѣстныхъ словахъ Спасителя приводимыхъ въ Евангеліи Матѳея XVIII, 15 — 17: Церковный судъ служитъ къ охраненію и обезпеченію исполненія церковныхъ нормъ и правилъ. При помощи суда требованія церковныхъ нормъ примѣняются къ обсужденію жизни и поступковъ членовъ Церкви, когда обнаруживается ихъ нарушеніе. При помощи суда эти отвлеченныя для многихъ требованія превращаются въ конкретныя дѣйствія, дающія возможность ясно себя чувствовать и такъ или иначе считаться съ ними въ жизни. А все это въ свою очередь способствуетъ поддержанію въ сознаніи людей значенія церковныхъ нормъ и яснѣе выдвигаетъ то, что Церковь, содержитъ съ самаго начала. Осуждая преступленія противъ Церкви, судъ тѣмъ самымъ способствуетъ предупрежденію ихъ на будущее время. „Обличеніе нечестія“, по выраженію св. Афанасія Великаго, „служить и желающимъ даетъ поводъ къ благочестію здравой о Христвѣ вѣрѣ“. Осужденіе нечестія, какъ замѣчаетъ онъ, есть достаточное уже ко благочестію вѣдвіе²⁾. Назначая соотвѣтствующія виды наказанія, церковный судъ стремится подѣйствовать на волю виновнаго въ видахъ ея исправленія. При пераожасанности же и упорствѣ въ своемъ отступленіи отъ церковныхъ нормъ человекъ вовсе исключается или по обычному выраженію отлучается отъ церковнаго общенія. Такая мѣра является необходимой и въ интересахъ всей Церкви, чтобы не допустить распространенія нарушенія церковныхъ нормъ

¹⁾ Б. Н. Чичеринъ. Наука и Религія. Гл. V, стр. 269.

²⁾ П. славіе св. Афанасія Великаго къ инокамъ. Творенія ч. II. Изданія 1902 г. стр. 104.

со стороны другихъ членовъ Церкви и возникновенія внутри ея явленій, направленныхъ противъ ея ученія и жизни.

Вселенскій Халкидонскій Соборъ въ донесеніи Императрицъ Пульхеріи о своемъ приговорѣ, осуждающемъ Александрійскаго епископа Діоскора, между прочимъ говоритъ, что „заботясь обо всемъ тѣлѣ мы отсѣкли гнилой членъ“¹⁾.

Еще яснѣе эта мысль выражена, наприм., въ грамотѣ императора Константина Пагоната по повѣду созыва Вселенскаго Собора. Цѣлью собора и происходившаго на немъ суда здѣсь прямо указывается, „чтобы отсѣчь непотребство сгнившаго или соблазнительнаго члена, особенно, когда онъ не приметъ уврачеванія и все прочее тѣло Христово укрѣпить пластыремъ, т. е. догматами благочестія, говоря словами Евангелія, чтобы погибъ одинъ членъ и спаслась полнота цѣлой церкви“²⁾.

Приговоромъ церковнаго суда многіе кромѣ того волеяневолей вынуждаются задумываться надъ своимъ положеніемъ и отношеніемъ къ христіанской религіи и можетъ быть ясно убѣждаться, что въ скрытомъ видѣ они уже давно разорвали нравственно-духовную связь съ Церковью и по совѣсти не могутъ считаться въ числѣ ея членовъ.

Судь, какъ видимъ, необходимъ въ области Церкви до условій нашей жизни. Человѣческій эгоизмъ и ограниченность проникаютъ и въ ограду Церкви. Они пытаются по своему передѣлывать даже самое христіанство, затемнять его религіозную истину собственными измышленіями и нарушать церковныя нормы и порядки.

Съ существомъ Церкви, какъ Богоучрежденнаго общества, по справедливому замѣчанію русскаго ученаго юриста профессора К. А. Неволіна, неразлучно соединена власть управлять своими внутренними дѣлами, разрѣшать относящіяся къ нимъ сомнительные случаи на основаніи ея законовъ и правилъ, судить своихъ членовъ, если бы они нарушили обязанности вѣры, и свои опредѣленія приводить своими средствами въ исполненіе³⁾.

¹⁾ Донесеніе Собора императрицъ Пульхеріи. Дѣянія Вселенскихъ соборовъ, т. III. Казаць стр. 299.

²⁾ Списокъ грамотъ императора Константина папѣ Льву. Тамъ же, т. VI, стр. 266.

³⁾ Полное собраніе сочиненій К. А. Неволіна, т. V. О пространствѣ церковнаго суда въ Россіи. Сиб. 1859 г. стр. 255.

Если же правильно функционирующій церковный судъ перестаетъ быть учрежденіемъ дѣйствующимъ, и относительно многихъ, вызывающихъ недоумѣніе, а то и прямой соблазнъ ученій, въ обществѣ не слышно авторитетнаго голоса суда, то это, по свидѣтельству опыта, вредно отзывается на всей церковной жизни.

Внутри самой Церкви мало-по-малу могутъ свивать себѣ гнѣздо явленія, не соответствующія ея природѣ и задачамъ. Подъ вліяніемъ ихъ у слабыхъ членовъ Церкви можетъ колебаться самая вѣра и въ церковномъ обществѣ распространяться соблазнъ. Они могутъ оказывать вредное дѣйствіе на отношенія между разными членами Церкви, особенно же между духовенствомъ и мірянами, однимъ, наприм. предоставляя почву для деспотизма и безответности, у другихъ вызывая недоверіе и даже вражду. Наконецъ по причинѣ постепеннаго затемненія значенія церковныхъ нормъ, въ нѣдрахъ самой Церкви можетъ оказаться немало людей, которые въ дѣйствительности къ ней не принадлежатъ.

Все это, во время не осужденное и не исправленное, можетъ въ такомъ видѣ передаваться изъ поколѣнія въ поколѣніе и пріобрѣтать въ глазахъ людей значеніе чего-то фактическаго, что постоянно окружаетъ насъ, что мы обыкновенно воспринимаемъ и дѣлаемъ. Фактическое же, какъ извѣстно, люди склонны возводить и на степень нормальнаго. Тогда борьба съ злоупотребленіями и недостатками, вкравшимися въ церковную жизнь, становится труднѣе и можетъ сопровождаться большими потрясеніями и раздорами.

Здѣсь мы совершенно не касаемся вопроса, кого и какъ будетъ судить церковный судъ, но говоримъ лишь объ его идеѣ и о необходимости его возстановленія. Церковный судъ, конечно не можетъ быть сводимъ къ какому-либо бюрократическому канцелярскому учрежденію, ограничивающемуся всякаго рода бумажнымъ производствомъ. Наиболѣе подходящимъ выраженіемъ идеи церковнаго суда могутъ служить его древнія формы, которыя предоставляли суду имѣть дѣло непосредственно съ живой человѣческой личностью, а не только съ тѣмъ, что написано о ней на бумагѣ, всегда слабо, а часто и невѣрно, отражающей на себѣ происходящее въ дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ исторія ясно свидѣтельствууетъ, что всегда могутъ оказаться

люди, которыхъ церковный судъ можетъ признать отпавшими отъ Церкви и подлежащими исключенію изъ списка православныхъ. Такими лицами, какъ извѣстно, были, на прим., пресвитеръ александрійскій Аріѳ, извращавшій христіанское ученіе о Божествѣ Христа Спасителя, затѣмъ архимандритъ Евтихій, епископы Константинопольскіе Македоній и Несторій съ ихъ послѣдователями, и другіе.

Отношеніе Церкви къ людямъ, порвавшимъ съ нею нравственно-духовную связь, опредѣляется словами самого Основателя Церкви, сказавшаго про такихъ людей: „если и Церковь не послушаетъ, да будетъ ояъ тебѣ, какъ язычникъ и мытарь“¹⁾.

Отсюда прежде всего уже само собой разумѣется, что люди, не принадлежащіе въ дѣйствительности къ Церкви и разорвавшіе съ ней связь, не должны быть допускаемы къ принятію св. Таинствъ. Таинства даны въ Церкви и для ея членовъ. Чтобы воспринять на пользу заключающійся въ нихъ благодатный даръ, человекъ долженъ находиться въ Церкви, имѣть извѣстную степень хранимой Церковью вѣры во Христа, и вообще быть достаточно, духовно подготовленнымъ.

Обычное состояніе человекъ, называемое грѣховнымъ, характеризуется отсутствіемъ у человекъ мыслей о Богѣ и вообще отдаленіемъ отъ Него своимъ существомъ съ перенесеніемъ центра жизни въ ограниченную и находящуюся въ ненормальномъ состояніи человѣческую личность какъ отдѣльную, такъ и какую-либо коллективную. Таинства, какъ разъ и направлены противъ такого состоянія и предназначены къ освященію человѣческихъ силъ для иной высшей жизни. Въ моменты принятія таинствъ человекъ долженъ заставить себя почувствовать возможный по его духовнымъ силамъ общій порывъ къ Богу и, представляя себѣ Божію любовь къ людямъ, повергнуть передъ Нимъ все свое существо съ его разумомъ, чувствомъ и волей, испытывая нѣчто подобное тому, что переживалъ, на прим. Авраамъ, когда во исполненіе высшей воли рѣшилъ принести въ жертву своего единственнаго сына.

Если остановить вниманіе на величайшемъ изъ Таинствъ св. Евхаристіи, то кому неизвѣстно, что самъ апостоль Па-

¹⁾ Матѣ. XVIII, 17.

велъ, ясно указываетъ на необходимость должнаго къ нему приготовленія и на вредъ для человѣка отъ недостойнаго приобщенія ¹⁾. По свидѣтельству св. Іустина Философа въ его первой Апологіи, представленной императору Автонтину Благочестивому, христіане позволяютъ участвовать въ евхаристіи только тому, кто вѣруетъ въ ученіе, получилъ крещеніе и живетъ такъ, какъ передалъ Христось ²⁾.

А вотъ что говоритъ по поводу св. Евхаристіи послѣдующій великій дѣятель христіанства св. Іоаннъ Златоустъ, котораго называютъ устами Павла:

Если кто не ученикъ Христовъ, то такой пусть удалится. Трапеза не допускаетъ тѣхъ, кои не изъ числа учениковъ.

Обращаясь къ пастырямъ, великій святитель предупреждаетъ, что ихъ ожидаетъ немалое наказаніе, если они позволяютъ приобщиться, признавши кого-либо нечестивымъ. „Кровь Его, поясняетъ Златоустъ, взыщется отъ рукъ вашихъ. Хотя бы кто былъ полководцемъ, хотя бы начальникъ, хотя бы самъ украшенный діадимомъ (короною), но, если приступаетъ недостойно, то запрети ему. Ты имѣешь больше власти, нежели онъ“... Для того Богъ удостоилъ васъ сей чести, чтобы вы разматривали таковыя дѣла. Въ этомъ состоитъ ваше достоинство, ваша важность, вашъ вѣнецъ, а не въ томъ, чтобы вы облекались въ бѣлую и блистательную одежду. Но какъ скажешь я могу знать того или другого? „Я говорю не о неизвѣстныхъ, но объ извѣстныхъ людяхъ. Скажу нѣчто болѣе страшное: не столь опасно приступать къ сему таинству бѣснующимъ, сколько тѣмъ, которые, какъ говоритъ Павелъ, попираютъ Христа, Кровь завѣта не почитаютъ за святыню, и ругаются надъ благодатію Духа (Евр. 10, 29). Ибо приступающій во грѣхахъ хуже бѣснующаго. Бѣснующіе не наказываются, потому что они бѣснуются: а приступающіе недостойно предаются вѣчному мученію. Итакъ, будемъ удалять не только бѣснующихъ, но и встѣхъ, которыхъ увидѣли бы недостойно приступающими. Никто не долженъ принимать дары, подобно Іудѣ, дабы не потерпѣть участь Іуды. Сіе собраніе вѣрующихъ есть также

1) I Коринѣ. XI, 26—32.

2) Сочиненія св. Іустина Философа и мученика. Изданіе въ рус. переводѣ П. Преображенскаго. Москва 1892 г., гл. 66, стр. 97.

тѣло Христово. Посему ты, служитель Таинствъ, смотри, чтобы тебѣ не раздражать Владыку, если не будешь очищать сіе тѣло,—чтобы не дать меча вмѣсто пищи. Но хотя бы кто и по неразумію пришелъ для причащенія, воспрети ему, не убойся. Убойся Бога, а не человѣка. Если убоишься человѣка, то отъ Бога будешь уничиженъ: а если убоишься Бога, то и отъ людей будешь почитаемъ. Если ты самъ не смѣешь, то приведи ко мѣ: я не позволю сію дерзость. Скорѣ предамъ душу свою, нежели причащу Крови Господней недостойнаго; скорѣ пролью собственную кровь, нежели причащу столь страшной Крови того, кого не должно“¹⁾.

Таково свидѣтельство христіанскаго пастырскаго сознанія.

Для напоминанія о необходимости извѣстнаго внутренняго состоянія при приобщенія установлена и особая молитва, которую долженъ произнести приступающій къ таинству. Словами этой молитвы онъ долженъ заявить о своей вѣрѣ въ таинство и во Христа Сына Божія, пришедшаго въ міръ спасти грѣшниковъ, въ числѣ которыхъ онъ признаетъ и самого себя. Если же настроеніе человѣка исключаетъ возможность искренняго произнесенія словъ этой молитвы, то, какъ указываетъ и св. Іоаннъ Златоустъ, онъ не долженъ быть допущаемъ до приобщенія.

Все это должно быть принято во вниманіе и относительно таинства брака. Если мы признаемъ его таинствомъ, то и оно можетъ совершаться лишь надъ людьми, имѣющими извѣстную степень вѣры. Заключение брака въ формѣ церковнаго вѣнчанія, конечно, предназначается только для людей принадлежащихъ къ Церкви. Между прочимъ это ясно обнаруживается, наприм. изъ 14 ст. 50 главы Кормчей, по которой священникъ долженъ требовать отъ жениха и невесты прежде вѣнчанія исповѣди своихъ грѣховъ, а если возможно, то и приготовленія ко св. причащенію. Это требованіе включено въ форму, такъ называемаго брачнаго обыска, содержащаго необходимыя свѣдѣнія о женихѣ и невестѣ и объ отсутствіи препятствій къ браку. Общая форма брачнаго обыска была составлена Св. Синодомъ въ 1837 году и въ видѣ Приложенія къ 26 ст. тома X, части I вошла въ

1) Вѣсѣды на Евангелиста Матвея. Ч. 3. Вѣсѣда LXXXII, §§ 5 и 6. Москва 1899 г., стр. 349—351.

нашъ сводъ Законовъ подъ названіемъ „Форма обыска брачнаго“. Здѣсь во 2 п. Примѣчанія законъ прямо вмѣняетъ въ обязанность священнослужителей и церковныхъ причетниковъ требовать отъ вступающихъ въ бракъ представленіе свидѣтельства, что они были на исповѣди и у св. приобщенія и свидѣтельство это прилагать къ обыску.

Если государство съ совершеніемъ таинства брака въ формѣ церковнаго вѣнчанія соединяетъ и гражданскія послѣдствія, то это нисколько не можетъ уничтожить церковную природу брака. Представители Церкви не могутъ допускать измѣненія церковныхъ институтовъ, вызванныхъ высшими задачами жизни, ради какихъ-либо государственныхъ цѣлей. Если государство не желаетъ подчиняться церковнымъ нормамъ въ отношеніи брака, то оно можетъ вводить свою гражданскую регистрацію брака.

Церковь вообще высоко поставила бракъ. Она разсматриваетъ его въ связи съ извѣстными словами апостола Павла: „Тайна сія велика есть. Азъ же глаголю во Христа и во Церковь“. Христіанскій бракъ получилъ величайшій въ мірѣ идеалъ. Онъ уподобляется отношенію Христа и Церкви. Поэтому Церковь съ одной стороны помѣщаетъ бракъ въ рядъ таинствъ и установила для него особый чинъ церковнаго вѣнчанія, составляющаго необходимый моментъ въ заключеніи христіанскаго брака, а съ другой стороны старается оградить бракъ отъ покушеній отвергать его святость, которыя нерѣдко обнаруживаются подъ вліяніемъ человѣческой ограниченности и непониманія значенія брака.

Запрещеніе людямъ подъ видомъ исполненія благочестія вступать въ бракъ, апостолъ Павелъ называетъ „лицемѣріемъ лжесловесниковъ сожженныхъ въ своей совѣсти“ ¹⁾. Соборъ Гангрскій, которому пришлось разсматривать ученіе Евстафія и его послѣдователей, отвергавшихъ бракъ, въ своемъ I правилѣ постановилъ, что, кто порицаетъ бракъ и сожитіе супруговъ вѣрныхъ и благочестивыхъ, какъ не могущихъ войти въ царствіе, да будетъ подѣ клятвою. Слыша разныя нападенія на бракъ со стороны людей разорвавшихъ связь съ Церковью, Іоаннъ Златоустъ говорилъ народу: „Цѣломудріе еретиковъ вожеть противъ Бога и

1) I Тим. IV, 2—3.

оскорбляетъ Его безконечную премудрость“ 1). Стараясь предупредить распространение подобныхъ учений, Гангрскій соборъ въ своемъ 14 правилѣ опредѣляетъ считать подъ клятвою жену, которая оставитъ мужа и, гнушаясь бракомъ, пожелаетъ сдѣлаться отшельницею. Въ такомъ же положеніи согласно его 9 правилу, долженъ находиться тотъ, кто наложитъ на себя обѣтъ дѣвства и воздержанія и стѣнетъ избѣгать брака, какъ бы гнушаясь имъ, а не ради чистоты и святости самого дѣвства. Мало того въ своемъ 10 правилѣ Гангрскій соборъ предупреждаетъ, что, если даже наложившіе на себя обѣтъ дѣвства ради Господа, будутъ превозноситься передъ людьми женатыми, то они должны быть подъ клятвою 2).

Воспрещеніе гнушаться бракомъ, какъ видно изъ 5 и 51 правилъ апостоловъ, распространялось и на лицъ духовныхъ, епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ.

Брачный союзъ христіанъ по ученію Церкви долженъ представлять изъ себя не только внѣшнее сожитіе мужа и жены, но и внутреннее единеніе ихъ душъ и прежде всего на пути развитія въ себѣ христіанской жизни. Вотъ почему такіе авторитетные учителя христіанства, какъ наприм. св. Амвросій Меліоланскій и св. Іоаннъ Златоустъ считаютъ необходимымъ условіемъ христіанскаго брака согласіе въ вѣрѣ. Жена, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ, должна быть единомысленна со своимъ мужемъ. На этомъ утверждается благосостояніе всего міра 3).

Правда, современное общество, не поддерживающее достаточной нравственно-духовой связи съ Церковью, дѣлается все менѣе и менѣе способнымъ даже понимать ея возвышенное ученіе о бракѣ. Очень многимъ людямъ христіанскій бракъ становится уже не подъ силу. Они оклонны слишкомъ упрощать природу и задачи брака, и усматривать въ немъ не „союзъ жизни“, какъ называетъ его, напр. Іоаннъ Златоустъ, а чуть-ли не какія-то договорныя отношенія, все время зависящія отъ соглашенія эгоистическихъ человѣческихъ

1) О Дѣвствѣ.

2) Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ. Изданіе Казанской Академіи. Казань 1901 г.

3) Бесѣда о томъ, что не должно отчаяваться. Творенія томъ III.

воль. Но Церковь не можетъ отступать отъ хранимаго ею ученія и кромѣ брака, установленнаго ея нормами, не можетъ въ своихъ нѣдрахъ допускать инаго.

Если, какъ видно, наприм. изъ Журналовъ и Протоколовъ Предсоборнаго Присутствія ¹⁾, вопросъ о смѣшанныхъ бракахъ, когда одинъ изъ супруговъ все-таки принадлежитъ къ Церкви, вызываетъ большіе споры, то что же сказать о церковномъ вѣнчаніи браковъ обоихъ супруговъ, въ дѣйствительности отпавшихъ отъ Церкви?—Оно не допустимо уже по самому смыслу таинства.

По вопросу о церковномъ вѣнчаніи даже смѣшанныхъ браковъ на соединенномъ засѣданіи III, VI. и VII Отдѣловъ Предсоборнаго Присутствія архіепископъ Финляндскій Сергій высказалъ, что, „откровенно говоря, онъ не знаетъ какимъ образомъ можно оправдать это вѣнчаніе, какимъ образомъ можно преподавать церковное таинство не православному, т. е. лицу, которое по канонамъ не имѣетъ права даже присутствовать при совершеніи этого таинства“ ²⁾.

„Бракъ по понятію Православной Церкви есть таинство. Какое же участіе, спрашиваетъ авторъ Опыта курса церковнаго законовѣдѣнія, архіепископъ Смоленскій Іоаннъ,—можетъ имѣть или даже можетъ-ли быть допущено къ участію въ таинствѣ,—лицо не принадлежащее къ Церкви?“ ³⁾.

Отвѣтъ можетъ быть только отрицательнымъ. Не говоря уже о требованіи самого смысла таинства, указаннаго выше, онъ находитъ себѣ достаточное основаніе и въ 10, 45 и 46 правилахъ апостольскихъ и во 2 правилѣ собора Антиохійскаго. 10 правило апостоловъ и 2 Антиохійское воспрещаютъ молиться съ отлученными отъ церковнаго общенія. Согласно 45 правилу подвергаются отлученію епископы или пресвитеры, или діаконны, молящіеся съ еретиками, т. е. съ людьми отпавшими отъ Церкви, а 46 правило назначаетъ епископу или пресвитеру изверженіе за принятіе какихъ-либо жертвъ отъ еретиковъ. Древній толкователь этого правила Зонара справедливо поясняетъ, что не исполняющіе этого епископъ или пресвитеръ вызываютъ подозрѣніе, что сами они мудр-

1) Журналы и Протоколы Засѣданій Предсоборнаго Присутствія Спб. 1907 г. т. IV. Журналы соединенныхъ засѣданій III, VI и VII, отдѣловъ.

2) Тамъ же, стр. 59.

3) Выпускъ II, Спб. 1851 г., стр. 289.

ствують подобно еретикамъ и не спѣшаютъ ихъ исправлять. Въ принятіи жертвъ отъ еретиковъ, по толкованію Зонары, обнаруживается нѣкоторое имъ соизволеніе. Какимъ образомъ, спрашиваетъ онъ,—епископъ или пресвитеръ могутъ въ этомъ случаѣ порицать ихъ и давать имъ свои совѣты¹⁾.

Если церковные каноны относятся такъ къ совершенію обыкновенной молитвы съ отлученными только отъ общенія и лишь къ принятію жертвъ отъ еретиковъ, то тѣмъ болѣе, конечно, они не могутъ допускать къ участию въ таинствахъ людей, разорвавшихъ связь съ Церковью. Необходимость считается именно съ этими канонами въ примѣненіи къ вопросу о церковномъ вѣнчаніи людей, не принадлежащихъ къ Церкви, очевидно, вполне признаетъ и архіепископъ Волинскій Антоній, который на основаніи ихъ въ Предсоборномъ Присутствіи отвергалъ возможность даже смѣшанныхъ браковъ²⁾.

Съ допущеніемъ къ церковному вѣнчанію даже при смѣшанныхъ бракахъ людей, отлученныхъ отъ Церкви или ее отвергающихъ, по утвержденію участвовавшего въ работахъ Предсоборнаго Присутствія священника Д. А. Александрова, совѣсть православнаго пастыря не можетъ примириться³⁾.

Вмѣстѣ съ этимъ священникъ Александровъ прямо заявилъ, что такое допущеніе „въ конецъ подорветъ авторитетъ и уваженіе приходскихъ пастырей и епископовъ въ простомъ, но еще вѣрующемъ народѣ“⁴⁾.

Въ дополненіе къ этому мы можемъ констатировать, что именно неразборчивость въ допущеніи къ таинствамъ людей невѣрующихъ между прочимъ много способствуютъ ослабленію авторитета и уваженія епископовъ и пастырей и въ глазахъ значительной части интеллигентнаго общества.

Н. Кузнецовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Правила св. апостоловъ съ толкованіями. Москва 1876 г., стр. 93.

²⁾ I Журналы и Протоколы Предсоборнаго Присутствія, т. IV, Сиб. 1907 г. Журналъ соединеннаго засѣданія III, VI и VII Отдѣловъ 29 ноября 1906 г. стр. 31.

³⁾ Докладъ его VI отдѣлу Присутствія. Журналы и Протоколы, т. II, стр. 331.

⁴⁾ Журналъ Соединеннаго засѣданія III, VI и VII отдѣловъ Присутствія 28 ноября 1906 г., т. IV, стр. 50.